

ЮРИДИЧЕСКИЙ МЕТОД В КОНЦЕПЦИИ И.А. ИЛЬИНА

© 2016 г. Марина Никитична Поскачина¹

Проблема юридического метода освещается с позиций методологической концепции философа и теоретика права И.А. Ильина.

The article devoted to problem of juridical method in the conception I.A. Ilyin.

Ключевые слова: юридический метод, методологическое знание, методологический ряд, методологический плюрализм.

Key words: juridical method, methodological knowledge, methodological line, methodological pluralism.

Отечественное правоведение обращает внимание на эту проблему в современных условиях и в связи с тем, что появились новые теоретические исследования, смысл которых не всегда понятен в методологическом плане и иногда вызывает споры относительно их теоретической и практической значимости. Позитивистское юридическое мышление продолжает сохраняться в силу того, что еще в 30-х годах XIX в. О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль выдвинули лозунг освобождения конкретно-научного познания от влияния традиционной философии как далекой от нужд нового типа науки, возникшего в эпоху Возрождения и поставившего себя на службу практическим интересам и потребностям общества. Поэтому как классический, так и неклассический этап развития науки права исходят из понимания необходимости юридического метода в познании права. Естественным образом и сегодня сохраняется попытка юристов собственными силами выработать адекватное представление о науке, ее возможностях и методах научного познания, т.е. юридического познания, отличающегося от философского познания. Поэтому одни исследователи вновь и вновь возвращаются к юридическому методу, а другие пытаются отойти от него и применять иные методы научного познания, в частности феноменологические и герменевтические как наиболее адекватно отражающие стиль социального мышления.

Начнем с того, что, как показывает опыт методологического анализа, среди частных методов юридический метод – один из надежных средств исследования правовых явлений и потому достаточно эффективен и в теоретических, и в прикладных исследованиях. К тому же, он имеет прямое отношение к термину “юридическое познание”, который трактуется двояко с позиций эпистемологии и гносеологии. В частности, в качестве теоретической основы понятия “юридическое познание” В.С. Нерсесянц рассматривая единство предмета и метода общей теории права, которое выражено в форме знания о праве как специфически понятийном знании, и оно одновременно образует предмет научного познания. Юридическое познание, по утверждению В.С. Нерсесянца, коррелируется с юридической теорией и юридическим методом. Эта связь рассматривается им как “бесконечный путь углубления и развития знания о праве и государстве”², так как

она есть непрекращающееся движение от уже накопленного знания об этих объектах к его обогащению и развитию.

Иную трактовку юридического познания в гносеологическом аспекте дает Ю.П. Боруленков. Он связывает понятие “юридическое познание” со структурой правовой системы. Рассматривая данное понятие в виде центрального композиционного элемента правовой системы, автор пишет, что «богатство содержания понятия “юридическое познание” определяется сложностью структуры юридической практики, многомерностью юридического процесса, который включает в себя процесс правообразования (правотворчества) и процесс правореализации; последний в свою очередь можно подразделить на юрисдикционный и неюрисдикционный процессы»³. Исходя из этого, автор дает “общетеоретическое понимание юридического познания как совокупности определенных общественных отношений”, образующее “теоретико-методологическую основу для выделения в ней группы отношений, которые выступают как конкретные разновидности общего понятия “юридическое познание”, в осмыслении которого в равной степени важны все его образующие компоненты”⁴.

Сравнительный анализ изложенного показывает, что понятие “юридическое познание” есть понятие видовое, смысл которого зависит от целей и задач познавательного процесса. Поэтому методологически верным представляется формулирование данного понятия с точки зрения теории познания, и оно прежде всего должно отобразить результат отражения феномена права в зависимости от идеалов и норм научной рациональности конкретной исторической эпохи. В силу этих причин мы даем следующее его определение. Юридическое познание есть феномен науки права, отображающий связь юридической теории и юридического метода в двух уровнях: эмпирическом и теоретическом, раскрывающих движение этой связи от достигнутого уровня к более высокому уровню, которое требует сложения этих самостоятельных референтных полей в одно явление в рамках эпистемологии права.

При такой трактовке искомого понятия выявляется эпистемологическая исключительность науки права, сопровождаемая обоснованностью, достоверностью и доказательностью наших понятий и суждений о праве. Последние отображают выявленные результаты теоретических и практических исследований, которые ярко обнажают принципиальное различие между динамичностью мышления обще-

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (E-mail: ms.marina4@mail.ru). Marina Poskachina, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of juridical faculty of the North-Eastern Federal University named M.K. Ammosov (E-mail: ms.marina4@mail.ru).

² См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 11.

³ Боруленков Ю.П. Юридическое познание (Некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) / Под ред. В.Н. Карташова. М., 2014. С. 4.

⁴ Там же.

теоретических представлений о праве и статикой понятия позитивного права, различие между смыслом и значением права как концептуального аппарата в разных темпоральных и контекстуальных условиях развития науки права. Отчасти этими положениями мы отличаем содержание науки права от содержания иных юридических наук.

С этих позиций юридическое познание как феномен науки права становится альтернативой для существующих представлений о юридическом познании. Данное определение занимает свое место в понятийном аппарате науки права, свидетельствуя о том, что оно становится эмпирическим предположением для различения общеправовой и общенаучной методологий. Учитывая, что затронутая тема является достаточно сложной и потому требующей углубленного изучения, наша задача заключается в частичном прояснении содержания методологической концепции И. А. Ильина, противопоставляющей юридическое рассмотрение не моральному, эстетическому, а временным рядам, трактующим правовую действительность.

Фактически переход И. А. Ильина к теме “юридического” было обусловлено двумя существенными моментами: если нормативное рассмотрение интересуется правом как юридической нормой, т. е. ее юридическим характером и содержанием ее предписаний, то логическое рассмотрение интересуется правом как юридическим суждением и ставит себе задачей научное выяснение и систематическую разработку тех юридических понятий (мы выше назвали их мыслимыми содержаниями суждения, субъектом и предикатом), которые связаны в суждении. “Суждение в своем логическом составе и суждение как *чья-то мысль*, т. е. как содержание сознания определенного человека или определенной группы, или даже неопределенной совокупности людей – совершенно различные вещи”. “Понятие права (как нормы и суждения) не терпит сближения с понятием силы. Ибо мыслить право как силу – значит мыслить право как нечто реальное, а юридический ряд характеризуется в своей методологической сущности именно полным и последовательным отвлечением от всего реального, от всякой “онтологии” как таковой”.

Эти моменты логически привели И. А. Ильина к двум основным выводам, которые разворачиваются им в последующих его суждениях: “Отвлекаться же от реального ряда с тем, чтобы незаметно или бессознательно вводить реальные понятия обратно, есть операция явно несостоятельная. Или юридическое изучение права допустимо, и тогда оно должно последовательно сохранять до конца свою методологическую определенность... или же оно должно быть отвергнуто, как таковое, – принципиально и вообще; но тогда в изучении права образуется незаполненная познавательная каверна”⁵.

Последующие суждения И. А. Ильина относительно юридического метода восходят к анализу элементов юридического ряда. Основой тому служит рассматриваемый им тезис об отрыве юридического анализа от психологического, исторического и политического, как движущихся в реальном ряду, причем этот отрыв представляется для него условной операцией, преследующей возможно большее логическое осознание, поскольку “нормативное и логическое рассмотрение права не видит в нем чего-либо реального ни в каком отношении, мало того, самая постановка вопроса о том, не реально ли право в этих методологических рядах, – не имеет смысла: оно здесь ни *есть*, ни *не есть*, ему не приписывает-

ся ни *бытие*, ни *небытие*, ибо предикат “реального” мертв для этого ряда”⁶.

Историческое значение юридического метода И. А. Ильин видит в том, что выводы, добытые юридическим анализом относительно правовых норм, будут отнесены впоследствии в рамки исторической эпохи и временных условий. Он уверен и в том, что “именно это *предварительное и последующее* обращение познающей мысли к сознанию *единства предмета* и к сознанию необходимой принадлежности отдельных сторон его – сначала к “иррациональному” синтезу *непознанного* предмета, как данному, и потом к “рационалистическому” синтезу *познанного* предмета, как заданному, – обеспечивает возможность соблюдения строгой методологической последовательности и чистоты в изолировании и изучении отдельных сторон *познаваемого предмета*”⁷.

Необходимый коррелят методологического плюрализма И. А. Ильина, заключающийся в методологической чистоте познания, и заданный синтез познания права будут исчерпывающими тогда, когда детальнее последний будет дифференцирован в процессе познания и последовательнее и строже проведется эта методологическая дифференциация. Он признает двойное отношение к сущности предмета: он един и целостен, и настолько же можно забыть об этом единстве и об этой целостности в пределах отдельного познавательного ряда, и в особенности тех рядов, которые строятся по принципу методологического индифферентизма. Поэтому И. А. Ильин полагает, что “все дисциплины, движущиеся в “юридическом” ряду, трактуют и должны трактовать право в таком понимании, которое исключает в составе его признаков категории реального ряда и, в частности, категорию силы. Понятие права и другие юридические понятия не должны определяться здесь через признак силы; для юриста в тесном смысле этого слова право есть норма и суждение и *не* есть ни в каком отношении сила. Право как норма и суждение и право как сила – суть понятия, лежащие в методологически-индифферентных рядах. Поэтому все те конструкции правовых понятий, которые непосредственно или в замаскированном и утонченном виде вносят в юридические определения момент силы – сливают два методологически-индифферентных ряда и или должны быть признаны неюридическими (в тесном смысле), или должны быть критически пересмотрены”⁸. В этом смысле И. А. Ильин считает, что общая теория права должна дать чисто юридическое определение права как нормы и суждения с известными видовыми специфическими признаками, поскольку в логическом порядке юридические определения предшествуют другим рассмотрениям и определениям. А для всех остальных методологических рядов (психологическом и социологическом) юридические определения являются необходимыми предпосылками, без которых те не могут и шагу ступить.

Представление И. А. Ильина о соотношении права и силы дает нам понять, что в отечественной методологии права существуют три основные методологические традиции: право и сила как реальность; право и сила как ценность; право и сила как отвлеченные понятия. Им соответствуют две формы правопознания: реальное, которое признает наличие в праве всех признаков силы, и юридическое, которое не признает таковых в нормативном и логическом ряду. Одним словом, “поскольку право рассматривается как введенное в реальный ряд, постольку допустимо его сближение с понятием силы – здесь сила есть родовое понятие, а право-ви-

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 24.

⁵ Ильин И. А. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 4. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа). М., 1994. С. 22.

довое; поскольку же право отрывается методологически от реальности в ее различных видах и пониманиях, постольку такое сближение недопустимо, постольку право и сила лежат в рядах, взаимно методологически индифферентных”⁹.

Таким образом, юридический метод применяется для получения нового знания о праве. Юридическое познание как феномен науки права включает в себя совокупность методов научно-познавательной деятельности. В этом смысле оно

есть оформившееся мировоззрение, доведенное до логически стройной теории познания конкретной научной школы. Поэтому методология науки права может быть политически идеологизирована. Этот ее аспект проявляется в практике государственно-правового строительства. Из-за того, что методы юридического познания технологизированы, они являются научными методами¹⁰.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ См.: Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки. М., 1986. С. 127.

В № 9 за 2016 г. была опубликована статья О.В. Дмитриевой “Юридические формы бытия компенсационно-восстановительной функции гражданско-правовой ответственности”. По просьбе автора даем следующие поправки.

На с. 20 (левая колонка, 2 абз. снизу) следует читать: “Среди них наиболее ярко восстановительную функцию воплощает возмещение убытков, *а также* возмещение имущественного вреда”.

На с. 22 (левая колонка, последний абзац, третье предложение) данная фраза должна звучать следующим образом: “Несмотря на то что на момент заключения договора неустойка не может рассматриваться как часть убытков, поскольку неизвестно, будет ли вообще нарушен договор, а если это произойдет, то повлечет ли данное нарушение убытки, на момент, когда договор нарушен...”.

На с. 23 (правая колонка, 3 абз., первое предложение) вместо “Размер процентов законной неустойки отличается от величины договорной неустойки” следует читать: “Явно отличаются проценты по ст. 395 ГК РФ также и от договорной неустойки”.